

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЧИСТКИ СОВАППАРАТА КАК ЧАСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920—1930-Х ГГ.

Т.М. Смирнова

Центр изучения новейшей истории России и политологии
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье на основе широкого круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, анализируется влияние на повседневную жизнь советских граждан «чисток» соваппарата 1920—1930-х гг. Автор показывает противоречивость и разнообразие факторов, определявших решение комиссий по чисткам, а также отсутствие прямой зависимости между их решениями и какими-то определенными факторами характеристики личности проверяемого (будь-то социальное происхождение, профессиональная квалификация или политические убеждения).

Ключевые слова: чистки соваппарата, повседневность, социальное происхождение и социальное положение, «бывшие», социально чуждые элементы.

В ходе проверки учреждения Рабкрином служащего, систематически опаздывавшего на работу, уволили за разгильдяйство; служащего, приходившего на работу раньше других, уволили за подхалимство; служащего, всегда приходящего точно вовремя, уволили за бюрократическое отношение к делу.

Анекдот 1920-х гг.

20-е гг. прошлого столетия прошли под знаком различных обследований и «чисток»: компартии, служащих, студенчества, безработных, соваппарата и т.п. С середины 1920-х гг. сообщения о чистках аппарата с пояснением их целей, задач и политического значения стали регулярно публиковать в прессе. В июне 1928 г. ЦК ВКП(б) провозгласил лозунг развертывания критики и самокритики, «невзирая на лица», и призвал очищать госаппарат от «негодных элементов». Вслед за этим последовала серия постановлений СНК и ЦК ВКП(б) о чистках, а затем всю страну на несколько лет охватила массовая кампания всевозможных чисток (1).

Затронув все слои общества, бесконечные чистки стали неотъемлемой частью повседневной жизни 1920-х гг. (2). Их ход и результаты оказывали огромное воз-

действие на общественное сознание, на взаимоотношения между людьми на производстве и в быту, а порой и на личную жизнь граждан, которая также нередко становилась объектом пристального внимания сослуживцев, соседей, товарищей по партии и комиссий РКИ.

Материалы чисток соваппарата являются исключительно ценным по своей информационной значимости источником. В них нашли отражение многие вопросы политической и социальной истории, истории повседневности. Между тем степень их изученности все еще недостаточна, что порождает определенные стереотипы в трактовке данного явления.

В советской историографии чистки соваппарата рассматривались преимущественно с точки зрения решения проблемы «орабочивания» госаппарата и формирования советской номенклатуры (3). В конце прошлого столетия изучение чисток приняло более глубокий и многогранный характер. В частности, большое внимание было уделено изучению их влияния на процесс адаптации так называемых «бывших» к новым социально-политическим условиям (4). К концу 1990-х гг. относятся первые попытки всестороннего анализа партийных и советских чисток как социального явления эпохи (5). К настоящему моменту наиболее значимые результаты достигнуты в сфере изучения чисток соваппарата как одной из составляющих советской репрессивной политики. Однако суть данного явления значительно сложнее и далеко входит за рамки только репрессивной политики. Тем более что на практике работа комиссий по чисткам зачастую зависела не столько от соответствующих законодательно-распорядительных документов, сколько от пресловутого личного фактора. Исходя из этого, оставим в стороне политическую сторону данного явления, его декларируемые и истинные цели и задачи (об этом написано уже немало), и посмотрим, во что они вылились на практике, как повлияли на повседневную жизнь миллионов граждан различных профессий и социальных слоев.

Комиссии по чисткам: состав и механизм работы, влияние общественности

Представители партийно-государственного руководства 20-х гг. неоднократно предостерегали комиссии по чисткам от формального подхода к работе, от оценки проверяемых только по признаку личного дела и социального происхождения (6). В постановлении XVI конференции ВКП(б) (май 1929 г.), в частности, подчеркивалось, что чистка соваппарата «должна производиться, прежде всего, и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения» и что «пролетарское происхождение и принадлежность к партии ни в коем случае не должны превращаться в страховку от чистки» (7).

В идеале «вычищению» подлежали «элементы разложившиеся, извращающие советские законы, срачивающиеся с кулаком и нэпманом, мешающие бороться с волокитой и ее прикрывающие, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящиеся к насущным нуждам трудящихся», а также «растратчики, взяточники, саботажники, вредители, лентяи» (8). Если с «растратчиками» и «взя-

точниками» все более-менее ясно, то идентификация прочих перечисленных категорий была лишена какой-либо правовой основы, что предоставляло широкий простор для злоупотреблений. Очевидно, что при желании к числу «разложившихся элементов» можно было отнести практически любого человека. Таким образом, судьбы миллионов людей оказались в зависимости от степени «классовой непримиримости», а также элементарной порядочности и непредвзятости людей, непосредственно осуществлявших чистки.

Основные принципы формирования и работы комиссий по чисткам были разработаны на XVI партконференции. В соответствии с ее резолюцией состав комиссий по чисткам соваппарата должен был формироваться специальными комиссиями РКИ с привлечением профсоюзов; деятельность же их должна была находиться под постоянным контролем «широких масс рабочих, крестьян и служащих» (9). Однако единый механизм формирования комиссий и осуществления общественного контроля за их работой разработан не был. Все практические вопросы решались на местах. Как показывают источники, не было и единой общепринятой процедуры чистки. В каждом конкретном случае ее механизм зависел от личных качеств членов комиссии и администрации, от особенностей политической конъюнктуры, от близости к столице, от политических взглядов и личных качеств администрации «очищаемого» учреждения и т.п. Окончательное решение могло быть принято как на общем собрании трудового коллектива, так и единоличным распоряжением администрации или даже самой комиссией в «закрытом порядке», без учета мнения как трудового коллектива, так и руководства учреждения. Что же до общественного контроля, то он нередко превращался в пустую формальность. По усмотрению РКИ и администрации местные партийцы и общественники-активисты либо входили непосредственно в состав комиссии, либо создавали независимые «группы содействия».

Проведение плановых чисток тщательно готовили. Для «политической зарядки» партийного, профсоюзного и хозяйственного актива и рабочей общественности комиссии РКИ проводили подготовительные собрания, выпускали стенгазеты и т.д. Так, например, в Сокольническом районе Москвы в октябре 1929 г. в целях формирования соответствующего политического настроения «районного партийного профсоюзного и хозяйственного актива и рабочей общественности» перед началом работы комиссий было прочитано 20 докладов (10).

Чистка проходила как в форме индивидуальных бесед с «очищаемыми» и их коллегами, так и на общих собраниях трудового коллектива. На крупных предприятиях достаточно широко была распространена практика «чистки низового аппарата списком». Обязательному персональному обсуждению рекомендовалось подвергать лишь «номенклатурных работников» и «спецставочников». Администрация несла ответственность за предоставление комиссиям по чисткам любой затребованной документации и оказание прочей помощи. Вот, например, как описывает процедуру чистки один из сотрудников органов РКИ С.И. Лебедев:

«Как же проводилась чистка аппарата?»

Она проводилась членами РКИ при участии представителей райкомов партии, райисполкомов и местных уполномоченных КК-РКИ. Комиссия по чистке обыч-

но начинала свою работу с того, что широко объявляла о дне заседания, указывала место своего пребывания и приглашала всех граждан без исключения принять участие в ее работе. Каждый рабочий, крестьянин или служащий мог прийти в комиссию, изложить свои претензии к работе учреждения или какого-нибудь работника. Заявления принимались устные и письменные и, конечно, подвергались самой тщательной проверке... Для заседания комиссии выбиралось самое крупное помещение, но ни одно из них, обычно, не могло вместить всех желающих. Поэтому во многих случаях заседания проводились на открытом воздухе.

Гражданин, который проходил чистку, кратко излагал свою биографию, рассказывал об участии в общественной жизни, а также о том, что он лично сделал для улучшения работы аппарата... Активность жителей была исключительной, каждый стремился высказать свое отношение к тому или иному работнику, указать на его достоинства или недостатки, дать отвод негодному работнику, внести предложение о путях улучшения деятельности советских органов» (11).

Несмотря на то что участие общественности в проведении чисток считалось обязательным и комиссии РКИ неоднократно подвергались критике за недостаточное ее привлечение, тем не менее, практика рассмотрения комиссией персональных дел «в закрытом порядке» (не только без участия общественности, но и без ведома трудового коллектива, а порой и руководства учреждения) была распространена достаточно широко. Так, полной неожиданностью как для сотрудников, так и для руководства московских яслей № 39 стало увольнение их коллеги, патронажной сестры Л.Л. Карповой, бывшей «на хорошем счету» и активно занимавшейся общественной работой (председатель месткома, профуполномоченная, председатель культкомиссии и секретарь Общества Безбожников). Передавая дело Карповой на персональную чистку, члены комиссии РКИ не только не посоветовались с трудовым коллективом, но даже и не поставили его в известность. Уже после принятия решения об увольнении Карповой выяснилось, что ни руководству яслей, ни родителям, посещавших их детей, не был задан ни один вопрос о работе Карповой. Сотрудники яслей и родители их подопечных подали коллективную апелляцию с требованием восстановить Карпову на прежней должности как честного и добросовестного сотрудника. Однако заступничество коллектива не повлияло на мнение комиссии, и решение об увольнении осталось в силе (12).

Аналогичная ситуация сложилась и при рассмотрении комиссией по чистке персонального дела медсестры московского дома младенца № 8/18 Ю.И. Туркестановой. В 1931 г. член профсоюза и месткома Ю.И. Туркестанова была без ведома коллектива «вычищена» якобы за «сокрытие своего социального происхождения». Сослуживцы Туркестановой (25 человек) подали в бюро по чистке коллективное письмо с категорическим протестом против ее увольнения. По их словам, Туркестанова за многие годы работы с детьми зарекомендовала себя «как лучший работник в Учреждении»; вела активную общественную работу, неоднократно избиралась в местком. «Главным образом, мы предполагаем, — говорилось далее в письме, — что причиной снятия с работы сестры Туркестановой является ее происхождение, ввиду этого все как один заявляем, что Туркестанова никогда себя

не проявляла как чуждый элемент в нашем Учреждении, а была всеми уважаема как хороший товарищ». Несмотря на наилучшие рекомендации коллег по работе и их свидетельство о том, что Туркестанова никогда не скрывала свое социальное происхождение (кстати, «чуждое» лишь отчасти, по линии отца), решение комиссии по чистке не было пересмотрено. Более того, на тексте коллективного ходатайства была сделана резолюция, которая не может не вызывать удивление: «Когда придут получать справку, сказать им, что коллективные заявления не принимаются...» (!?) (13).

Данная резолюция является, пожалуй, лучшим ответом тем исследователям, которые убеждены, что решающим в ходе чисток было именно мнение трудового коллектива (14). В действительности роль трудового коллектива и масштабы его влияния на комиссии по чисткам в каждом конкретном случае имели свою специфику. Как свидетельствуют документы, на практике характер участия общественности в работе комиссий колебался от «исключительно активного» до «исключительно безразличного». В целом же привлечение общественности «к вопросам чистки» характеризуется как «слабое» (15). Однако обусловлено это было не только желанием комиссий по чисткам самостоятельно принимать решение. Зачастую и сами коллеги очищаемых по разным причинам уклонялись от участия в рассмотрении персональных дел.

Если в плановых чистках предприятий граждане принимали участие не всегда охотно, то внеплановые персональные чистки в значительной степени проводились именно благодаря неизменно высокой активности общественности. Комиссии по чисткам, домоуправления и прочие инстанции были буквально завалены всевозможными жалобами граждан (в большинстве своем анонимных), на основании которых специальные «летучие бригады» и «отряды легкой кавалерии» РКИ проводили внеплановые персональные чистки. Формально власть не поощряла доноительство. Напротив, и в прессе, и в выступлениях партийных и государственных лидеров тех лет подчеркивалась недопустимость превращения чисток в орудие «сведения личных счетов и выживания» (16). Однако неофициально доноительство поощрялось, как в ходе предварительной агитационно-пропагандистской работы — политической зарядки, как называли ее сотрудники одной из московских комиссий по чистке, — так и непосредственно в ходе чисток (17).

«Спешу довести до вашего сведения...»: чистки как орудие мести и способ решения личных проблем

В ответ на призыв «выявлять» замаскировавшихся и «окапавшихся в совучреждениях» врагов с конца 20-х гг. в комиссии по чисткам, редакции центральных и местных газет потоком пошли доносы на соседей, сослуживцев, случайных знакомых с сообщением о том, что тот или иной человек скрывает свое истинное «социальное лицо» или имеет «подозрительное социальное происхождение». При этом социально-чуждым объявлялся всякий, кто чем-то не угодил доносчику: был с ним невежлив, занимал лучшую комнату, был удачливее в личной жизни или профессиональной карьере или просто «не так» посмотрел. Для большей надежности на не угодивших чем-то лиц не скупясь «навешивали» всевозможные вра-

жеские ярлыки: «купец-офицер», «помещица-генеральша», «буржуй-контрреволюционер» и т.п. Сложившуюся ситуацию наглядно отражает появившийся в эти годы анекдот: женщина, узнав об измене мужа, только что успешно прошедшего партчистку, заявила на партсобрании: «Товарищи! Если он смог уйти от меня к этой жидовке, то знайте все, что он бывший белогвардейский офицер!»

Обвинение в принадлежности к «бывшим» стало расхожим и зачастую довольно действенным орудием мести, средством сведения личных счетов. Так, коммунист Харитонов решил отомстить служащему Мануфактурного отдела Центросоюза М.П. Мудрецову за то, что тот задержал с краденой мануфактурой одного из близких родственников Харитонова. С этой целью Харитонов сообщил в НКВД, что Мудрецов — бывший городской и «до сего времени остался городovým»; что он — «человек весьма религиозный», не пропускает ни одного церковного собрания, причем «в ущерб своим обязанностям»; «тихонько ругает Советскую власть», ненавидит революционные праздники и никогда не участвует в манифестациях. «В 6-й годовщине Октября, — добавил для убедительности Харитонов к характеристике Мудрецова, — работал у себя в сторожке, печку перекладывал, и это не случайно, а с определенной целью игнорирования. Вообще Мудрецов политически неблагонадежен и безнадежен. Он и сейчас не расстается с царским портретом». В результате проверки полученной информации ответственный секретарь партийной ячейки Центросоюза П.С. Фомин пришел к выводу, что донос Харитонова вызван исключительно личными счетами. Фомин также добавил, что Мудрецов является честным, исполнительным работником. Это мнение поддержали местком и администрация Центросоюза (18).

Безусловно, далеко не всем жертвам доносов везло так же, как Мудрецову. Нередко даже ничем не подтверждаемые жалобы, в том числе и анонимные, становились основанием для персональной чистки и имели весьма печальные последствия. Жертвой чьей-то «классовой сознательности» нередко становились и совершенно незнакомые люди. Так, некий не пожелавший указать свою фамилию «Партизан-Красногвардеец» отправил в Центризбирком, Главное управление милиции и Мосжилотдел сообщение об антисоветской сущности неизвестной ему семьи Садовниковых, а также всех их родственников и близких друзей. Прочитав весной 1930 г. случайно попавшее ему в руки письмо, адресованное семье Садовниковых, бдительный «Партизан-Красногвардеец» пришел к выводу, что обе семьи, участвующие в переписке, «являются противниками Советской власти». Основанием для данного утверждения послужили следующие фразы в письме, которые доносчик подчеркнул красным карандашом: «Продукты кончились — передачи не можем делать, и сами на волоске, если не вернется ни один. Моментами утешаем себя, но слишком печальна действительность — нет выхода. У соседей все продано: сидят на ящиках. Может и нам тоже?». Автор доноса настоятельно просил не восстанавливать в избирательных правах семью Садовниковых, а также «принять соответствующие меры» по отношению ко всем их знакомым, указанным в письме (19).

Для некоторых «наиболее сознательных» граждан выявление повсюду «врагов народа» стало основным занятием, почти смыслом жизни. Так, например,

рабкор В. Куликов посвятил разоблачению своих соседей более 10 лет. Вот одно из его многочисленных писем в редакцию газеты «Известия ВЦИК» от 30 января 1930 г., сумбурное изложение которого, его противоречивость и нелепое нагромождение содержащихся в нем обвинений не только чрезвычайно любопытны, но и крайне важны с точки зрения воссоздания психологической атмосферы тех лет:

«Дети священника (попа), В.П. гр-на Смирнова за время революции 7 человек, с помощью старых религиозных монархических своих друзей, ныне стоящих большинство всюду в разного рода наших советских учреждениях ответственными руководителями и пролезли в разного рода совучреждения и смело говорят, что они там всюду невиданно ведут вредительскую свою работу, как и у себя в живущем бывшем собственном отцовском доме и подтачивают общее наше, ныне социалистическое строительство, а в особенности 5-ти летку.

Вот нижеуказанные конкретные факты, сами ли, но их уличают.

Вся, ныне, эта вредительская поповская семья проживает ныне по Верхне-Красносельской улице в доме № 22, кв. 1, в своем собственном бывшем отцовском доме, отец, который и ныне служит попом в приходской церкви (быв. Лексеевск. монаст.), а его дети все служат в нижеуказанных, разного рода, советских учреждениях.

Анна В. Смирнова — педагог в 31 школе СОНО, Н. Красносельская, Любовь В. — счетовод в Правлении М. Северн. ж.д., Рязанская, 12, Лидия В. — учится в 58 школе, химические курсы, Милютинский пер., А.В. служит в лаборатории, Погодинская ул., № 10, Водоиспытательная станция, Николай В., счетовод в Правлении М. Казанской ж.д., Краснопрудная, № 20, Петр В., счетовод, Мосстрой — Ильинка, № 12, а его жена, Е.И. Хлопотина — кассирша в СРРОП, магазин № 33, Стромынка № 4, а ныне умерший сын в 1928 г. Василий В. Смирнов во время службы педагогом в Марфинском детдоме в Богородске, по судебному процессу был замешан в растлении девочек, причиной чего, будто бы и явилась неожиданная его смерть, а сын Николай, ныне счетовод в Правлении М. Каз. ж.д. сумел скрыть свое поповское социальное положение и, как сын служащего пролез в комсомольские ряды членом, но я его с помощью прессы оттуда вырвал с корнем в 1926—27 гг.

Вся эта вредительская семейка с помощью тех же, очевидно, лиц при рационализации и разного рода сокращениях не подвергалась сокращению. С момента революции и по сие время в живущем бывшем своем доме они все время ведут самую наглую и открытую вредительскую подрывную работу: склоку, травлю, подсиживание, а главное, разрушение своей квартиры, скрывание от правильности обложения фин. налогом и квартплаты, более 2-х лет крали 3 к.с. жилплощади у живущего с ними в то время своего отца, а самое важное, что он организовано все время старался тормозить в работе Правления Жил. Т-ва № 2626.

О чем через прессу разных редакций я и забил тревогу в набат еще с 1919 г. и стал сигнализировать во всю ширь, ввиду чего и было много разного рода исследований по заметкам, но ответов конкретных и до сего момента я не откуда не получил. По заметкам в 1929 г. по распоряжению Мосгубпрокурора, через по-

мощника прокурора Сокольнического р-она неоднократно для следствия приходила молодая интеллигентная женщина из их же, очевидно, старого класса, ныне служит вместе с Николаем В. Смирновым в Правлении Казанской ж.д., которая своим следствием и заключением, очевидно, сумела ввести в заблуждение и пом. прокурора, который, очевидно, без ответа ныне и прекратил дело и бросили его без ответа в архив, а семья Смирновых и по сие время в доме ведет свою старую подрывную, вредительскую работу, что подтверждает и само правление Жил. Т-ва в лице 3-х коммунистов... и беспартийным активом. Кроме вышесказанного эта семья активно вербовала и помогала собирать 1000 голосов и подписей ходивших по домам о незакрытии церкви, где ныне служит их отец.

А ныне по службе всюду их слепо выдающими своими разного рода справками администрация и профорганы скрывают как антивыдержанных работников.

Дорогие товарищи предупреждаю я вас, что эти люди для того, чтобы прикрыться и завоевать себе авторитет, они, конечно, могут быть активными, но помните, что это до момента, а срочно необходимо их всюду вычистить» (20).

Остается не совсем ясным, как именно семья Смирновых «подтачивала» пятiletку и зачем они разрушали свою квартиру; ясно лишь, что их и им подобных, с точки зрения Куликова, необходимо срочно отовсюду «вычистить».

Если бы письмо Куликова было единственным в своем роде — над ним, пожалуй, следовало бы посмеяться. Но тысячи таких куликовых успели испортить жизнь десяткам тысяч людей, которые на основании доносов лишились работы, жилья, а иногда и свободы (21). В то же время было бы ошибкой полагать, что каждый донос неизбежно достигал своей цели в виде негативных последствий для того или иного неугодного доносчику лица. В действительности, вопреки сложившемуся стереотипу, последствия доносов, как и решения комиссий по чисткам, не были предсказуемы. На деле судьба человека зависела от множества объективных и субъективных факторов, включая и факторы случайности.

Пролетарское происхождение или «знание дела»?

Безусловно, среди наиболее значимых факторов, влиявших на судьбы проверяемых граждан в ходе чисток соваппарата, были их социальное происхождение и профессиональная квалификация. С одной стороны, лидеры партии и правительства в те годы не раз призывали бережнее относиться к специалистам, подчеркивая, что нет и не может быть «двух мнений относительно значения проблемы специалистов» и вопроса о том, какую роль в системе управления должно играть «*знание дела*» (22). В то же время средства массовой информации, контролируемые той же партией и тем же правительством, тем не менее, продолжали разжигать классовую ненависть, призывая к «классовой непримиримости», «революционной бдительности», «идейной расчистке» и т.п. С этой точки зрения наиболее важным при решении вопроса о персональной чистке оказывался *фактор социального происхождения*. В результате для комиссий по чисткам приоритетными попеременно оказывались то степень «профпригодности», то происхождение и «идеологическое лицо» проверяемых.

Тот факт, что чистки нередко выливались в откровенную травлю людей по принципу их социального происхождения, очевиден. Можно привести тысячи примеров того, как в ходе чисток увольняли добросовестных и квалифицированных специалистов исключительно по принципу их непролетарского происхождения. «Чуждое» происхождение нередко становилось единственным основанием для увольнения: «...чтобы не оставлять „кусты“ бывших людей в аппарате», как откровенно указано в протоколе комиссии МРКИ по чистке аппарата «Молокосоюза» (23). Так, сотрудники владимирского объединенного союза профсоюзов в ходе чисток, по свидетельству современников, подвергались обсуждению не с точки зрения их работоспособности и знания своего дела, а именно с точки зрения «биографических очерков, которые, нужно сказать, начинались у всех с прабабушки» (24).

Яркий пример неумеренной пролетарской бдительности продемонстрировала, в частности, комиссия РКИ Ленинского района г. Москвы. Материалы чисток свидетельствуют о нескрываемом предубеждении членов данной комиссии ко всем, кто чем-то отличался от типичного представителя пролетариата. «Не за чем ему говорить, мы знаем, что он скажет», — грубо оборвал председатель комиссии врача профилактория им. Шумской Гурова, пытавшегося доказать необоснованность выдвинутых против него обвинений в принадлежности к социально чуждым слоям. В действительности Гуров был родом из крестьянской семьи, но, получив высшее образование, он автоматически становился «чуждым» для проводившей чистку рабочей бригады (25). При определении социальной принадлежности того или иного гражданина комиссия РКИ Ленинского района исходила из принципа «*презумпции виновности*». От доносчика не требовали никаких доказательств, напротив, именно обвиненный в принадлежности к «чуждым классам» должен был доказать несправедливость обвинения. «*Подозрительное прошлое*» фактически приравнивалось к «*враждебному прошлому*», «*чуждому происхождению*». Так, медсестры дома младенца № 39 не смогли предоставить документы, «достаточно подтверждающие прошлое», вследствие чего они были заподозрены в принадлежности к аристократической верхушке царской России (26). Врач Н.А. Голубенцев с 1914 г. служил в различных военных госпиталях. Данный факт вызвал у комиссии «подозрения», что Голубенцев «*мог*» служить в белой армии. Доказать обратное врач не смог, и этого оказалось достаточно для передачи его на персональную чистку (27).

Зав. профилакторием им. Шумской М.Е. Гальперин, сын торговца, будучи студентом медицинского факультета университета, в октябре 1917 г. принимал участие в «отряде по перевязкам раненых». У комиссии по чисткам возникло подозрение, что среди раненых, которым оказывал помощь Гальперин, «*могли*» оказаться юнкера. Не имея доказательств обратного, Гальперин был снят с работы по 3-й категории, то есть без права занимать административные должности в течение 3-х месяцев (28).

Врач-окулист М.А. Спектор (родом из мещан, после смерти отца находился на воспитании дяди-торговца) несколько лет работал в Мариупольской городской больнице. В течение этого времени власть в Мариуполе несколько раз ме-

нялась. По признанию самого Спектора, он лечил всех, кто попадал в больницу, не спрашивая их о политических убеждениях. Этого оказалось достаточно для передачи врача на персональную чистку (29).

Если Голубенцев, Гальперин, Спектор и многие другие были «вычищены» за то, что они *теоретически могли сделать в прошлом*, то медсестра социальной помощи Г.Г. Рождественская была «вычищена», за то, что она *теоретически могла бы сделать в будущем*. Комиссия РКИ выразила опасения, что, пользуясь своим положением, Рождественская может «устроить пользу для таких же бывших, как они с мужем» (30). Несмотря на всю абсурдность подобных обвинений, основанных на предположении о том, что могло быть когда-то и что может случиться в будущем, материалы «чисток» свидетельствуют о том, что подобная практика была достаточно широко распространена по отношению не только к представителям социально чуждых слоев, но и ко всем, необоснованно к ним причисляемым.

В то же время сохранилось немало свидетельств того, что *фактор профессиональной пригодности нередко оказывался более значимым, чем «чуждое» происхождение*. Так, например, в материалах проведенных в 1930 г. чисток сберкасс Сокольнического района столицы социальное происхождение служащих вообще не упоминается. Все сотрудники характеризуются исключительно по своим деловым качествам, основаниями для увольнения служат обвинения в низкой квалификации, растратах, халатном отношении к работе и т.п. (31). Заседания комиссии по чистке Мосфинотдела и комиссии по чистке аппарата Управления производственных предприятий ОСО Мособлисполкома, судя по сохранившимся протоколам, тоже были посвящены преимущественно вопросам профессиональной пригодности, служебной добросовестности и трудовой дисциплины «прочищаемых» (32).

Характеристики служащих, предоставленные комиссии по чистке дирекцией Правления Московско-Казанской железной дороги, также основаны преимущественно на вопросах профессиональной пригодности и служебного соответствия. При этом многие выходцы из рабочих и крестьян получили отрицательные характеристики: делопроизводитель А.И. Васильев, несмотря на свое пролетарское происхождение, был охарактеризован как ленивый и грубый; старший счетовод И.А. Антуфьев (из крестьян) — как «средний» работник. О дочери бывшего купца, а ныне заведующей делопроизводством Н.М. Масловой дирекция, напротив, отзывалась как о дисциплинированном, внимательном и аккуратном работнике, хорошо знающем свое дело. Бывшая дворянка М.Н. Пащенко (делопроизводитель) также была охарактеризована как добросовестный, дисциплинированный и старательный работник, хотя и «неврастеник в высшей степени». Блестящую характеристику получил старший бухгалтер Успенский, сын псаломщика, выпускник духовного училища. О его работе было сказано: «По улучшению работы то, что сейчас есть, лучше придумать нельзя». Социальное происхождение А.В. Кожевниковой, признанной дирекцией лучшей работницей Правления дороги, осталось неизвестным, как и социальное происхождение большинства служащих Москов-

ско-Казанской ж.д., так как практикуемая в ее аппарате система учета кадров вообще не предусматривала учета социального происхождения (33).

Комиссия по чистке аппарата Молокосоюза нашла необходимым оставить на работе 12 сотрудников, по своему происхождению «явно чуждых», но хорошо справляющихся с работой; и в то же время предложила уволить «целый ряд партийцев» за «склочность», пьянство, злоупотребления по службе и халатность и т.п. (34). (Любопытно, что, как следует из материалов чисток, «партийцы» нарушали трудовую дисциплину значительно чаще своих беспартийных коллег (35)).

В результате чистки аппарата Мосфинотдела комиссия пришла к следующим выводам: «Личный состав должен быть пересмотрен, и слабые в деловом отношении работники должны быть заменены более квалифицированными, а последние должны получить уверенность в твердости своего служебного положения» (36).

Наглядный пример стремления к объективности представляет собой работа комиссии по чистке учреждений народного образования Сокольнического района. После получения информации о враждебном социальном происхождении какого-либо должностного лица комиссия проводила тщательное расследование. Нередки случаи, когда в результате проведенного расследования комиссии по чисткам устанавливали ложность содержащейся в доносе информации либо оставляли без внимания анонимные обвинения, не считая нужным их проверять (37). Но даже если данные о непролетарском происхождении подтверждались полностью, это не влекло за собой автоматического решения о персональной чистке. Комиссия прежде выясняла следующие вопросы: поддерживается ли после революции «бытовая и идеологическая связь с родными»; соответствует ли квалификация человека его служебному положению и каковы его взаимоотношения с коллегами по работе. Например, полученное в 1930 г. анонимное сообщение о том, что сестры Близнецовы, преподающие в школе № 29 Сокольнического района, происходят из семьи духовенства, подтвердилось. Однако, собрав всю необходимую информацию, комиссия приняла решение сестер «на чистку не ставить», так как «особого материала нет» (38).

В ходе проверки школы № 36 Сокольнического района г. Москвы комиссия по чистке получила коллективную жалобу от учащихся VII группы на учительницу пения с 13-летним стажем, выпускницу Петербургской консерватории Малкину. Стилем и языком, в которых чувствуется влияние взрослого человека, дети требовали уволить Малкину, ссылаясь на ее идеологическое несоответствие образу пролетарского педагога:

«Мы, нижеподписавшаяся группа учащихся, считаем позорным и недопустимым присутствие в коллективе педагогов нашей школы тов. Малкиной, преподающей уроки пения. Наиболее ярким фактом недопустимости ее присутствия в школе является отсутствие у нее педагогической тактичности, которая выражается в ее мещанско-обывательской внешности: краска, серьги, кольца, ожерелье, недопустимые в школе наряды и т.д... Целый ряд фактов еще, в том числе абсолютно обывательское содержание песен, которым она обучает нас, подтолкнули

нас на то, чтобы ходатайствовать перед комиссией по чистке СОНО о том, чтобы столь вредного педагога, который в некоторых отношениях развращает учащихся, оказывает на них разлагающее действие, убрать из стен школы. Нам нужны педагоги-коммунисты, которые бы воспитали в стенах нашей школы из наших рядов стойких борцов за социализм...» (39).

Тщательно проверив все факты, комиссия РКИ приняла решение Малкину «не ставить на чистку». Руководству школы было предложено помочь Малкиной «наладить работу в VII группе» (40).

В подавляющих случаях комиссии по чисткам были крайне непоследовательны в своей работе, руководствуясь то социальным происхождением «прочищаемого», то его профпригодностью и трудовой дисциплиной. Так, комиссия по проверке служащих треста Нарпит сняла с работы (не предъявив никаких профессиональных претензий) несколько десятков сотрудников «чуждого» происхождения, а также работников, не обладающих, по мнению членов комиссии, «пролетарской психологией». В то же время бухгалтер В.Е. Ефтеева была оставлена на работе, несмотря на то, что ее отец был лишен избирательных прав как бывший домовладелец (41).

Таким образом, наряду с социальным происхождением и профессиональными навыками проверяемых, большую роль при вынесении окончательного решения имели и прочие факторы, прежде всего — личные качества как самих «прочищаемых», так и членов комиссий по чисткам.

«Как политически неподготовленного и мало себя проявившего считать проверенным...»

На рубеже 20—30-х гг. в России, как и во все времена, чрезвычайно велика была роль *личных связей*. По утверждению современников, родственные связи и полезные знакомства в эти годы не только не утратили, но даже укрепили свое значение по сравнению с дореволюционной эпохой. В частности, работник прокуратуры СССР И.С. Кондурушкин не раз сетовал на сложившуюся в послереволюционной России практику приема на службу «по запискам знакомых» или «по телефонному звонку» «людей случайных, неизвестных, сплошь и рядом совершенно не пригодных к той работе, которая им легкомысленно поручается». «До сих пор еще, — продолжает Кондурушкин, — часть наших администраторов не исчерпала до дна вкус власти, возможности назначать, увольнять, росчерком пера создавать из вчерашней кондитерской продавщицы, девицы приятной „во всех отношениях“, управдома, секретаря» (42).

Широкое распространение системы протекции нередко ставило представителей социально-чуждых слоев, обладавших, по утверждению современников, разветвленной сетью «нужных знакомств», в более выгодное положение, чем выходцев из рабоче-крестьянской среды (43). Тем более что и само определение социального статуса в те годы было весьма условным. В отличие от «лишенцев» социальная категория «бывших» или «чуждых» не была юридически оформлена и потому никогда не имела четких границ (44). К концу 1920-х гг. эти границы

стали еще более расплывчатыми и неопределенными. За прошедшее после революции исключительно динамичное, наполненное социальными преобразованиями десятилетие общество существенно изменилось, определить истинное социальное происхождение советских граждан с каждым годом становилось все труднее (45). Оставшиеся в России представители бывших привилегированных классов приложили немало усилий для того, чтобы каким-то образом интегрироваться в новое общество, приобрести новый социальный статус. Определение этого статуса зависело не только от реального социального происхождения, но и от случая, наличия нужных связей и ряда других факторов. Так, при проведении МРКИ в 1931 г. обследования аппарата прокуратуры и суда г. Москвы проверяющим был предоставлен список служащих, не содержащий практически никаких сведений об их социальном происхождении и положении до революции. В графе «социальное происхождение» встречаются три основные социальные категории: служащие, рабочие и крестьяне (46). Таким образом, «социальное происхождение» в данном случае подменяется «социальным положением», — практика довольно распространенная в середине 20—30-х гг. Однако значительно чаще при классификации служащих по социальной принадлежности встречается смешение понятий «происхождение» и «положение» (47). Так, члены Московской губернской коллегии защитников были разделены по своему социальному «происхождению» на 15 групп: служащие, рабочие, крестьяне, кустари, мещане, торговцы, купцы, казаки, провизоры, дворяне, духовенство, врачи, ремесленники, помещики, юристы (48). Столь запутанная и непоследовательная градация предоставляла проверяющим широкую свободу действий. Бывший дворянин, священник или помещик, поступивший на советскую службу, мог быть зачислен как в группу служащих (либо при наличии соответствующего образования в группу юристов или врачей), так и в группу дворян (духовенства, помещиков) и т.п. При определении социального статуса администрация учреждения или проверяющие нередко руководствовались личными мотивами, решающую роль при этом могли иметь самые различные факторы: от простой симпатии или антипатии до стремления получить какую-либо выгоду: продвижение по службе, партийная карьера, деньги и т.п.

Не меньшей силой, чем личные связи, обладали *деньги*. За «небольшое вознаграждение» фининспекторы (среди которых были как бывшие дворяне, чиновники и офицеры, так и выходцы из рабочих, в том числе коммунисты) с легкостью зачисляли крупных предпринимателей-нэпманов (в том числе и из «бывших») в число мелких кустарей. По свидетельству МРКИ, финработники «ударяли и ловили часто случайно мелкого торговца с продажей 1 пары ботинок, одной рубашки, куска мыла и т.п... даже попадали рабочие, инвалиды и мелкие кустари, а более крупные выявлялись плохо». Именно служащие районных финансовых отделов, наиболее близкие к деньгам, оказались особенно подвержены «разложению» и «срачиванию с частником» (49). В наилучшем положении были те, кто обладал и деньгами, и связями. Члены рабочих бригад по чисткам нередко жаловались в центр, что «материал на карасей и щук кладется под сукно, а мелкую рыбешку ловят, шельмуют, перебирают грязное белье» (50).

Большое внимание в ходе чисток уделяли также умению ладить с людьми. Недоброжелательное отношение к сослуживцам или неспособность наладить контакт с ними порой перевешивали и «правильное» социальное происхождение, и высокую профессиональную квалификацию. Доходило до откровенных курьезов. Так, например, сотрудник Мосфинотдела Радченко в ходе чистки был обвинен в излишней старательности и чрезмерной добросовестности. Комиссия по чистке пришла к следующему выводу: «Работать с ним трудно, работает как машина, по букве закона, необходимо снять с работы» (51). В то же время экономист Молокосоюза В.Я. Клипка, несмотря на «чуждое» происхождение и довольно «натянутые» взаимоотношения с сослуживцами, был оставлен как незаменимый сотрудник. В решении комиссии, в частности, говорилось, что Клипка «поставил работу в МСПО так, что новый сотрудник ничего в ней не поймет, а Клипка держит это в секрете» (52).

Подобные курьезные решения породили в конце 1920-х — начале 1930-х гг. массу анекдотов на тему чисток, несмотря на всю ее серьезность, а порой и трагичность. С одной стороны, «вычистить» могли кого угодно и за что угодно. «В ходе проверки учреждения Рабкрином, — говорилось в частности, в одном из анекдотов тех лет, — служащего, систематически опаздывавшего на работу, уволили за разгильдяйство; служащего, приходившего на работу раньше других, уволили за подхалимство; служащего, всегда приходившего точно вовремя, уволили за бюрократическое отношение к делу» (53). С другой стороны, наиболее ушлые из «бывших» нередко выходили «сухими из воды», что также нашло свое отражение в народном творчестве. Вот, например, еще один из анекдотов 1930-х гг.: «Три служащих из „бывших“ проходят чистку. Выходит первый: „Я им сказал, что у меня был завод, но не такой большой, как „Серп и молот“, а маленький — вот такой... Оставили“. Выходит второй: „Я им сказал, что у меня был дом, но не такой большой, как Кремль, а маленький — вот такой... Обошлось“. Выходит третий: „Я им сказал, что у меня был бардак, но не такой, как у вас — на всю страну, — а маленький. И что вы думаете? Уволили. Скажите на милость, почему?“» (54).

Реальная практика «чисток» порой мало отличалась от анекдотов. Вот, например, какие решения комиссий по партчисткам были обнаружены в ходе проверок:

«Батрак, бывший сын дворянина, дисциплинирован. Идеологически устойчив недостаточно, недостаточно партийно выдержан, энергично проводит директивы партии»;

«Т-ща Н. как политически неподготовленного и мало уделяющего внимания партии — считать проверенным»;

«Как политически неподготовленного и мало себя проявившего считать проверенным» (55).

В Калужской области комиссией по партчистке был оставлен в партии сын пристава, в характеристике которого было указано, что он «пассивен и систематически пьянствует»; а одной из кандидаток в партию, про которую было известно, что в прошлом она была близко знакома «с виднейшими руководителями контр-

революции Астраханского края», было порекомендовано «немедленно подать заявление о переводе» в члены ВКП(б) (56). Аналогичные ситуации складывались и в ходе чисток соваппарата.

Трудно сказать, что в подобных случаях играло решающую роль — личная заинтересованность членов комиссии, халатность или просто случай. Нельзя исключать также влияние плана по выявлению окопавшихся в совучреждениях (или в партии) замаскированных классовых врагов. Нередко «выявив» и «вычистив» требуемое планом количество «чуждых», члены комиссии на этом успокаивались и становились терпимее к «нехорошему» происхождению проверяемых.

Очевидно, что проводимые в атмосфере нагнетания классовой ненависти, «чистки соваппарата» должны были в наибольшей степени затронуть представителей бывших привилегированных слоев. Руководство страны не скрывало, а, напротив, подчеркивало необходимость соблюдения «классовой линии» при проведении чисток. В то же время материалы чисток содержат немало примеров стремления сохранить наиболее ценных специалистов и «очистить» аппарат от недисциплинированных и неквалифицированных сотрудников, вне зависимости от их социального происхождения. В политике советских и партийных властей боролись две тенденции, — политкорректность и прагматизм, — попеременно одерживавшие верх друг над другом. Причем первая тенденция побеждала преимущественно в ходе чисток работников наиболее идеологически значимых сфер деятельности (партийные руководители, преподаватели, воспитатели, библиотекари, юристы и т.п.), а также неквалифицированных рабочих (чернорабочие, уборщицы и т.п.). При «чистке» же квалифицированных рабочих, экономистов, специалистов производственной сферы, напротив, победу обычно одерживал разумный прагматизм.

Так или иначе, чистки соваппарата вошли в повседневную жизнь практически каждого советского гражданина тех лет. Никто не был застрахован от персональной чистки со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. В списках «вычищенных» в качестве «классово чуждых» можно найти представителей всех социальных слоев, а среди них — передовиков производства, ударников, активистов-общественников.

Неуверенность в завтрашнем дне обусловила формирование атмосферы нервозности и страха, вызывала взаимное недоверие, враждебность, склоки, доносы. Наиболее незащищенными и пострадавшими в результате нагнетания классовой ненависти оказались представители средних слоев интеллигенции, а также крестьяне и выходцы из крестьян как носители мелкобуржуазной, так называемой «собственнической» психологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1981. — Т. 4. — С. 338, 342, 388, 469—484, 493.
- (2) В данной статье рассматриваются только чистки соваппарата. Соответственно, в дальнейшем тексте под «чистками» (при отсутствии дополнительных пояснений) будут подразумеваться только чистки учреждений и организаций, а не партчистки или чистки студенчества, имеющие свою специфику.

- (3) См., например: Рабочий класс в управлении государством (1926—1937 гг.). — М., 1968; *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. — М., 2000; *Он же.* «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // *Отечественная история.* — 2000. — № 5. — С. 38—46.
- (4) См.: *Иванов В.* «Бывшие люди» // *Родина.* — 1999. — № 4. — С. 71; *Шинкарчук С.А.* Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // *Российская повседневность 1921—1941 гг.: новые подходы.* — СПб., 1995. — С. 18—37; *Фицпатрик Ш.* Жизнь под огнем. Автобиография и связанные с ней опасности в 30-е годы // *Российская повседневность...* — С. 38—49; *Она же.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2001; *Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917—1941) // *Нормы и ценности повседневной жизни. 1920—1930-е годы.* — СПб., 2000. — С. 175—179.
- (5) См.: *Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах /* Отв. ред. А.К. Соколов. Авторы текста и комментариев С.В. Журавлев, А.К. Соколов. — М., 1998. — С. 44—46, 74—121; *Смирнова Т.М.* «Вычистить с корнем социально чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества // *Россия в XX веке. Реформы и революция.* — М., 2002. — Т. 2. — С. 187—205.
- (6) См., например: *Ингулов С.* Под лозунгом большевистской принципиальности // *Как проводить чистку партии. Сб. директивных статей и мат-лов.* — М.—Л., 1929. — С. 60; *Коротков И.* К проверке и чистке производственных ячеек // *Там же.* — С. 93—94 и др.
- (7) КПСС в резолюциях и решениях... — М., 1981. — Т. 4. — С. 473.
- (8) Там же. — С. 473.
- (9) Там же. — С. 473.
- (10) ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 211. — Л. 14; См также: Там же. — Оп. 7. — Д. 63. — Л. 8; ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 23, 27, 29.
- (11) *Лебедев С.И.* Опираясь на помощь общественности // *Как мы работали в Рабкрине.* — Харьков, 1963. — С. 28.
- (12) См.: ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 61. — Л. 98—107.
- (13) См.: ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 61. — Л. 144—151. Подробнее о деле Ю.И. Туркестановой см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. — М., 2003. — С. 216—217.
- (14) С. Чуйкина, в частности, пишет: «Характерно, что решение о том, кого вычистить принадлежало самому трудовому коллективу. Представители рабоче-крестьянской инспекции осуществляли контроль за работой комиссий по чистке, однако решение, принятое на местах, не опротестовывалось» (*Чуйкина С.* Дворяне на советском рынке... — С. 177).
- (15) См., например: ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 60. — Л. 4; ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 27.
- (16) См., например: *Ингулов С.* Под лозунгом большевистской принципиальности... — С. 60; *Межоль К.* Недочеты проверок и чисток в прошлом // *Как проводить чистку партии...* — С. 127; *Сольц А.А.* К чистке // *Как проводить чистку партии...* — С. 30.
- (17) См., например: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... — С. 164.
- (18) ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 25. — Д. 112. — Л. 10.
- (19) ГА РФ. — Ф. Р-5404. — Оп. 11. — Д. 22. — Л. 3.
- (20) ЦМАМ. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 248.
- (21) О массовых случаях доноительства с целью устранить конкурента или из банальной зависти, а также о наиболее распространенных способах дискредитации человека в те годы см.: *Общество и власть...* — М., 1998. — С. 75—80; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... — С. 163—165.

- (22) *Дзержинский Ф.Э.* На борьбу с болезнями управленческого аппарата. Речь на совещании ответственных работников ВСНХ СССР 9 июля 1926 г. // *Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения*: В 2-х т. — М., 1967. — Т. 2. — С. 369; см. также: *Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи.* — М., 1939. — С. 254; и др.
- (23) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1653. — Л. 1. См. также: ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 63. — Л. 5; Там же. — Д. 93. — Л. 2, 5, 7, 14—15, 18—23.
- (24) На трудовом посту. — 1929. — № 4/5. — С. 5.
- (25) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 61. — Л. 63 об.
- (26) Там же. — Л. 86.
- (27) Там же. — Л. 49.
- (28) Там же. — Л. 33—41.
- (29) Там же. — Л. 132—134.
- (30) Там же. — Д. 227. — Л. 193 об.
- (31) Там же. — Д. 201, 220.
- (32) См. ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 39—40, 50—60, 72—86, 90—108, 110—113; ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 63. — Л. 9—19, 31, 34—41, 59—60.
- (33) См. ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 145. — Л. 43—73.
- (34) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1653. — Л. 3.
- (35) См., например: *Коротков И.* К проверке и чистке... — С. 89.
- (36) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 11.
- (37) См., например: ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 51, 190, 204 об.; Там же. — Оп. 7. — Д. 67. — Л. 57; ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 63.
- (38) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 168. — Л. 174; см. также: Там же. — Л. 39—45, 112—140, 157 об., 161 об., 174—182; Там же. — Д. 227. — Л. 4—10, 46 об., 51, 109—112.
- (39) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 47—48.
- (40) Там же. — Л. 46 об.
- (41) ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 7. — Д. 93. — Л. 2, 5, 7, 8, 11, 13—23.
- (42) *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. — М.; Л., 1927. — С. 204.
- (43) См., например: ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1567. — Л. 49—49 об.; ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 227. — Л. 179—181, 192—194.
- (44) Мнение исследователя В. Иванова о том, что в реальности советской жизни понятие «бывшие» стало срастаться с понятием «лишенец» (см. *Иванов В.* Бывшие люди... — С. 71), верно лишь отчасти. Если в дискурсе рядовых граждан данные понятия действительно нередко были тождественны, то юридически и в политической практике они, в значительной степени «пересекаясь», не совпадали (Подробнее о «лишенцах» см.: *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. — М., 1998).
- (45) Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России... — С. 23—54.
- (46) ЦМAM. — Ф. 1289. — Оп. 1. — Д. 188. — Л. 22; см. также. ЦМAM. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 201. — Л. 46—63.
- (47) Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома»: «Классовая принадлежность» и «классовая справедливость» в Советской России, 1917—1936 гг. // *Вестник РУДН. Сер. «История России».* — 2005. — № 4. — С. 89—97.
- (48) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1567. — Л. 8.
- (49) См., например: ЦМAM. — Ф. 1289. — Оп. 1. — Д. 188. — Л. 54—55; Там же. — Ф. 1474. — Оп. 2. — Д. 211. — Л. 15—16.
- (50) Цит. по: *Общество и власть...* — С. 80.
- (51) ЦГАМО. — Ф. 165. — Оп. 1. — Д. 1652. — Л. 54.
- (52) Там же. — Д. 1653. — Л. 3.

- (53) *Штурман Д., Тиктин С.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. — М., 1992. — С. 19.
- (54) *Соколова Н.* Краткий курс. Материалы к энциклопедии советского анекдота. Двадцатые годы // *Огонек*. — 1991. — № 1. — С. 30.
- (55) См.: *Межоль К.* Недочеты проверок... — С. 128—129.
- (56) Там же.

PURGES OF THE SOVIET STATE APPARATUS AS FACTOR OF EVERYDAY LIFE IN THE 1920—1930S

T.M. Smirnova

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

This article, based on broad range of new historical sources, focuses on so called «purges» of the Soviet state apparatus, and their impact on everyday life of the Soviet citizens in the 1920—1930s. Author demonstrates contradictory nature and variety of factors on which special «purge commissions» made their decisions, including social origin of the people, their professional and personal characteristics, and others.

Key words: purges of the Soviet state apparatus, everyday life, social origin and status, «people of the past», «socially alien elements».